

## ТЕНЬ И СВЕТ

О ВОПРОССТВЕ АНАТОЛИЯ ИВАНОВА

Сам видел, как пустились ули-  
цы Москвы во время показа по  
телевидению очередной серии  
одного из экранизированных  
романов Анатолия Иванова, как  
спешили люди от метро домой,бось опоздать на захватывающее зрелище.

**В**

Видел и очереди за книгами писателя. Ро-  
манов он пишет многостраничные. Такой  
книги хватит никому человеку на месяц вни-  
мательного чтения. Миллионы часов уделя-  
ют в совокупности зрители и читатели про-  
изведениям Анатолия Иванова. Уже одна  
цифра грандиозная делает творчество  
писателя явлением социальным. Место, ко-  
торое занимает он в процессе духовной  
жизни, в формировании взглядов наших  
современников, позволяет назвать Анато-  
лия Иванова в числе наших крупнейших  
писателей...

Рассказ, повесть «Книзь на трешной  
земле», романы «Повитель», «Тени исчеза-  
ют в полдень», «Вечный зов» написаны за  
последние двенадцать лет, и каждое произве-  
дение становится событием для читателей,  
и вновь жгущих встреч с силь-  
ными характеристиками, выделенными в стреми-  
тельные и трагические события, события,  
которые так обильна наша эпоха. Анато-  
лий Иванов чужда камарилье. Каждый раз  
он стремится выйти на самую широкую ау-  
диторию, и ему это удается. Он достигает  
этой динамичности повествования, ясности  
метяировок поступков своих героев, строй-  
ностью сюжетных построений, трагедийной  
напряженностью действия — именно поэто-  
му он оказался «летким» писателем для

Там в жид до семнадцати лет, пока не  
окончил среднюю школу. Потом поступил  
учиться в Алма-атинский университет на  
факультет журналистики. Окончил универ-  
ситет и пошел работать в семипалатинскую  
газету «Триштышская правда». Поработал  
там один год и был призван в ряды Совет-  
ской Армии. В армии служил сначала сол-  
датом. Потом написал несколько корресп-  
пондентский в военную газету, куда меня на-  
правили работать. После демобилизации, я  
намеревался снова поехать в Казахстан, но  
по пути задержался в Новосибирске, где  
мне предложили должность редактора газе-  
ты... И благодаря тот день и час, когда там  
созмисе, потому что это мне, в частности,

скаю и люди сибирские.  
сколо края. Там по укладу жизнь сибир-  
ская и люди сибирские.

«Родился я в Казахстане, около Алтай-  
ского края. Там по укладу жизнь сибир-  
ская и люди сибирские. Там в жид до семнадцати лет, пока не  
окончил среднюю школу. Потом поступил  
учиться в Алма-атинский университет на  
факультет журналистики. Окончил универ-  
ситет и пошел работать в семипалатинскую  
газету «Триштышская правда». Поработал  
там один год и был призван в ряды Совет-  
ской Армии. В армии служил сначала сол-  
датом. Потом написал несколько корресп-  
пондентский в военную газету, куда меня на-  
правили работать. После демобилизации, я  
намеревался снова поехать в Казахстан, но  
по пути задержался в Новосибирске, где  
мне предложили должность редактора газе-  
ты... И благодаря тот день и час, когда там  
созмисе, потому что это мне, в частности,

чество наиболее характерно для метода социалистического реализма, а бы в их числе без колебаний назвал и Анатолия Иванова. К тому времени, когда он вступил в литературу, социалистический реализм уже миновал период своего становления. Уже были созданы писателями и преобразованы критиками и литературоведами основные произведения социалистического реализма, главной чертой которых (при разнообразии творческих проявлений) была и остается партийность. Она утверждалась в книгах Всеволода Иванова, Фадеева, в «Вирине» Сейфуллиной, «Леминге» Гладкова, в «Поднятой целине» Шолохова, в десятках других новаторских произведений. Этот громадный литературный массив поднимал себе все новые нарождавшиеся таланты. Среди них был и Анатолий Иванов. Его творчество вошло в себя многие догмы социалистического реализма. Партийный подход к действительности определенная и самим жизненным путем писателя. После армии он работает в газетах, потом заместителем главного редактора журнала «Сибирские огни», а после переезда в Москву — сначала заместителем, а затем главным редактором журнала «Молодая гвардия».

Если сопоставить пребывание Анатолия Иванова на крупных, требующих значительной отдачи духовных и физических сил работах с одновременной работой над сложными произведениями, то выявится еще одна черта — громадная работоспособность писателя, умение эффективно сочетать многообразные административные обязанности с творческой деятельностью. Придя в журнал «Молодая гвардия» в пору, когда популярность этого издания росла, Анатолий Иванов значительно способствовал укреплению его авторитета.

«Молодая гвардия» за последние годы поддерживала не одного начинающего писателя. Самые талантливые из них неизменно оказывались в кабинете главного редактора. Терапевт с первых разговоров с ним, они по-прежнему восторженно рассказывали о некоторых литературных воззрениях своего старшего товарища, об отращивании, питаемом им ко всякой манерности, о его решительности... Он никогда не заставляет автора томиться из-за неопределенных обещаний, его редакторское «да» и «нет» категоричны и никогда не обретают свойства взаимозаменяемости.



Анатолий Степанович Иванов.

для романа, даю очень и очень много. Работа в этой газете и развешала по районам, по колхозам. Вот тут у меня и зародились первые замыслы, которые я пытался передать в своих рассказах. Написав первый рассказ, послал его в журнал «Огонек». Там его не опубликовали, а почему-то переслали в журнал «Крестьянка», где он и был опубликован в 1954 году.

Затем я написал еще несколько рассказов. В 1956 году вышел небольшой сборник рассказов в Новосибирском книжном издательстве, который называется «Алкины песни». Потом я стал работать над романом «Ловитель». Вот такая моя краткая творческая биография.

За эти дни, почти августом, строками трудно разгадать становление художника, его муки в работе над словом, его попытки воплотить общие жизненные впечатления в стройное повествование. И главное — старание найти себя, сказать свое слово в литературе... Анатолий Иванов прежде всего стремился к добротности, основательности письма, в нем классиков нашей литературы. Если бы меня попросили назвать писателей, чье твор-

Но, как уж не раз было говорено критиками всех времен, главными вехами на жизненной пути писателя были и остаются книги. Характер автора непременно проявляется в его произведениях, и даже то, что скрыто в глубинах подсознания, так или иначе высвечивается в поступках и мыслях литературных персонажей.

О прозе Анатолия Иванова писали много и будут еще писать... Некоторые критики верно усматривают в его романах определенное отношение к развитию современной советской литературы, непрерывность социального фона в произведениях А. Иванова, страстность и знергию, проявляемую его героями в революционных, общественных, военных катаклизмах, подвергавших испытанию русских людей более полувека. Ничего не отвергая обывания в том, что писатель слушает краски, что он излишне жесток в своих художественных произведениях, общечеловечески не связываются на слова самого Анатолия Иванова, считающего главной задачей каждого художника «правдиво отобразить жизнь, не боясь ее трагичности, ибо в каждой трагичности существует мощное героическое начало и содержание». Он развивает эту мысль так: «Итак в нашем советском искусстве давно утвердился и бытует термин «оптимистическая трагедия». Но и утвердился, и бытует, а что, собственно, это такое? Достаточно ли глубоко, философски мы осмыслили это понятие? Всегда ли мы, советские писатели, художники, деятели различных видов искусства, умели с достаточной глубиной и ясностью видеть в каждой драме и тем более трагедии это героическое начало?»

Вопросы эти риторические. Ответить на них можно, лишь захватив читателя своим художническим видением и убедив его, что путь к счастью лежит только через жестокость и страдание. Один из критиков не без основания как-то утверждает, что «мир провозвещенный Анатолия Иванова при всей своей суровости, при жестокости происхождения в них событий всегда светел, всегда оптимистичен»: Уже в самом построении этой фразы чувствуется желание оправдать, что ли, писателя, указать на равномерность распределения света и тени в его полотнах... Мне кажется, что такой мастер, как Анатолий Иванов, не особенно нуждается в критических извинениях. Он исходит из своего видения жизни, он создает собственный художественный мир.

Уже в первых очерках и рассказах Анатолия Иванова прорывалось его стремление к раскрытию характеров в чрезвычайных обстоятельствах. Его рассказ «Алкиныи песни» спокойным своим началом напоминает «хотиничьи» рассказы девяностого века. Бесхитростная история любви талантливой певички Алки Ураловой к женатому Сергею Хорпову, смущенному левым чувством, безысходность этой любви и отказ от нее, когда нравственная чистота возобладала над чувством, — все это рассказано лирично, сентиментально даже и не могло не тронуть читателя. Но не было еще того Анатолия Иванова, которого мы знаем теперь, хотя одна из сцен уже давала представление о новом направлении творчества писателя. Когда Алке напомнили о том, что у Сергея дети и она осознала, что счастья на чужой беде все равно не построишь, девушка наша вышла своим отчаянию в бешеной скачке на коне по лесу, где ветви хлестали по ее лицу, сурья наносила кровавые раны... Желания здесь подавлены, героиня словно бичует себя. Но герой рассказа все-таки «розовеет», подавляя их чувства, автор подавляет, глушил и собственный темперамент.

Иное дело — роман «Повитель», появившийся в конце пятидесятых годов и сразу определивший творческое лицо Анатолия Иванова. Роман стал заметным явлением в литературе в силу целого ряда причин. В нем писатель, как принято говорить, нашел себя.

Действие романа происходит в сибирской деревне Локти, лежащей верстах в пятидесяти от ближайшего крупного поселения. Да-то существует город, но в нем побывало всего несколько человек из деревни. Идет первая мировая война (все большие романы Анатолия Иванова начинаются с предвоенно-любопытного времени). В деревне сонная и ленивая жизнь. Кругом ледяная природа — озеро (в других романах — река), скалы, горы. Природа в описаниях Иванова всегда олухотворена. И вообще в этих описаниях он обладает поразительным чувством меры, они никогда не бывают самоцелью для писателя.

«На берегу всегда ведем распаханы люди. Они похожи на громадных черных рыб, которые выплыли из пучины, приткнулись головами в мокрые камни и теперь с любовью вглядываются, что происходит в деревне».

А проходит вот что. Самогонщик Петр Бородин в своей безумной жакде разбора дает бродячему коновалу яд, подметанный в спиртное, а потом, орабая, зарубает его топором. Чахоточную жену он душит... Сын его — Гришка Бородин, — парень с омерзительной внешностью и сильными руками, способными завязывать в узел грядки, становится сообщником отца. Вместе с приятелем, сыном богатея, он находит лучшую позу. Бородин разжигаются, забавляют других. Отец боится, что сын его задумит... В деревне драки, поножовщина.

Была старая деревня писателя не видна, но классовое расхождение, губительное для души стремление к наживе, жадность и отчуждение людей показаны в романе совершенно отчетливо. Революция и гражданская война выявляют героев положительных, дают простор для действия большинства Андрея Беселова и других. Но эти же события позволяют автору показать несбыточные накалы страстей в разделившейся по классовому признаку деревне. Белогвардейцы «в приступе необузданной злобы» расстреливают женщин и стариков. Мужики мстят. «Утрами на улицах под плетнями нахватали мертвых белогвардейцев с расклеванными топором черепами, опенных сагоном с примесью мышьяка или крепкого настоя бегеи».

Но прошлое не исчезает внезапно с окончанием гражданской войны. Григорий Бородин несет в новую жизнь улушливую, черную злобу, ненависть ко всему, что не дает развиваться новой собственности. Он развращен и бешеному «нараву». Писатель пользуется сильными средствами выражения: картинками и бешеному «нараву». Писатель развращен и бешеному «нараву». Писатель пользуется сильными средствами выражения: картинками и бешеному «нараву».

«Время отачивает людей, как вола при-  
лгий Иванова пишет:

В одном из авторских отступлений Анато-  
лия работает, как все.

Однако в колхоз Бородина принимают.  
надо бы пускаться.

« — Вот что, Бородин... Тебя, может, не  
только в колхоз — вообще на землю не  
коллеж:

Для людей темные стороны жизни Гри-  
гория неизвестны, но волна его ненависти  
ощущается ими ежeminутно. И поэтому ха-  
рактерен приговор, вынесенный председате-  
лем колхоза коммунистом Андреем Весело-  
вым, когда Григорий пришел вступать в  
концы в воду.

«Время отачивает людей, как вола при-  
лгий Иванова пишет:

В одном из авторских отступлений Анато-  
лия работает, как все.

Однако в колхоз Бородина принимают.  
надо бы пускаться.

« — Вот что, Бородин... Тебя, может, не  
только в колхоз — вообще на землю не  
коллеж:

Для людей темные стороны жизни Гри-  
гория неизвестны, но волна его ненависти  
ощущается ими ежeminутно. И поэтому ха-  
рактерен приговор, вынесенный председате-  
лем колхоза коммунистом Андреем Весело-  
вым, когда Григорий пришел вступать в  
концы в воду.

Он превращает ее в свою багряку, на-  
силует, а потом женится на ней, чтобы не  
остался совсем одному. Бьет ее ежeminутно  
смертным боем. Писатель со всеми подроб-  
ностями описывает садизм Григория. Случай-  
нось так, что Бородин помрет в свое время  
Богобантам. Но кто он? Сознательный  
враг Советской власти? Бродяга бы нет.  
Писатель изображает его бешеным волом-  
одиночкой, ненавистым весь свет, всех лю-  
дей. Когда баниты присылают к нему чело-

«Время отачивает людей, как вола при-  
лгий Иванова пишет:

В одном из авторских отступлений Анато-  
лия работает, как все.

Однако в колхоз Бородина принимают.  
надо бы пускаться.

« — Вот что, Бородин... Тебя, может, не  
только в колхоз — вообще на землю не  
коллеж:

Для людей темные стороны жизни Гри-  
гория неизвестны, но волна его ненависти  
ощущается ими ежeminутно. И поэтому ха-  
рактерен приговор, вынесенный председате-  
лем колхоза коммунистом Андреем Весело-  
вым, когда Григорий пришел вступать в  
концы в воду.

«Время отачивает людей, как вола при-  
лгий Иванова пишет:

В одном из авторских отступлений Анато-  
лия работает, как все.

Однако в колхоз Бородина принимают.  
надо бы пускаться.

« — Вот что, Бородин... Тебя, может, не  
только в колхоз — вообще на землю не  
коллеж:

Для людей темные стороны жизни Гри-  
гория неизвестны, но волна его ненависти  
ощущается ими ежeminутно. И поэтому ха-  
рактерен приговор, вынесенный председате-  
лем колхоза коммунистом Андреем Весело-  
вым, когда Григорий пришел вступать в  
концы в воду.

«Время отачивает людей, как вола при-  
лгий Иванова пишет:

В одном из авторских отступлений Анато-  
лия работает, как все.

Однако в колхоз Бородина принимают.  
надо бы пускаться.

« — Вот что, Бородин... Тебя, может, не  
только в колхоз — вообще на землю не  
коллеж:

Для людей темные стороны жизни Гри-  
гория неизвестны, но волна его ненависти  
ощущается ими ежeminутно. И поэтому ха-  
рактерен приговор, вынесенный председате-  
лем колхоза коммунистом Андреем Весело-  
вым, когда Григорий пришел вступать в  
концы в воду.

«Время отачивает людей, как вола при-  
лгий Иванова пишет:

В одном из авторских отступлений Анато-  
лия работает, как все.

Однако в колхоз Бородина принимают.  
надо бы пускаться.

« — Вот что, Бородин... Тебя, может, не  
только в колхоз — вообще на землю не  
коллеж:

Для людей темные стороны жизни Гри-  
гория неизвестны, но волна его ненависти  
ощущается ими ежeminутно. И поэтому ха-  
рактерен приговор, вынесенный председате-  
лем колхоза коммунистом Андреем Весело-  
вым, когда Григорий пришел вступать в  
концы в воду.

«Время отачивает людей, как вола при-  
лгий Иванова пишет:

В одном из авторских отступлений Анато-  
лия работает, как все.

Однако в колхоз Бородина принимают.  
надо бы пускаться.

« — Вот что, Бородин... Тебя, может, не  
только в колхоз — вообще на землю не  
коллеж:

Для людей темные стороны жизни Гри-  
гория неизвестны, но волна его ненависти  
ощущается ими ежeminутно. И поэтому ха-  
рактерен приговор, вынесенный председате-  
лем колхоза коммунистом Андреем Весело-  
вым, когда Григорий пришел вступать в  
концы в воду.

жугликов. И само ранение он получил на фронте при постыдных для него обстоятельствах. Дела его становятся все более очевидными для людей, просветленных советскими этическими нормами жизни.

«Жизнь прожита, а что нажито? — размышляет Бородин. — Ничего. Умру — и не останется от меня следа... Петька вот только, сын... Все взяли сволочи, все... А сына? Ну, нет, сына-то уж не отдам...»

Но он терпает и сына. Всплывают все дела Бородина. Роман кончается судом над отщепенцем...

Столь подробное изложение содержания романа «Повитель» вроде необязательно, и в то же время это дает возможность осознать склонность писателя к драматическим ситуациям, к острому сюжетам, к скрупулезному исследованию природы зла. Идет рома А. Иванова вкладывает в уста одного из своих положительных героев, Тихона Ракинина: «Всю кровь, все мозги изъела ему (Бородину. — Д. Ж.) жажда собственности. Сперва человека превратила в зверя, а потом так оплела, что все соки выжала, высушила. Так вот повитель обовьет молодое растение да прет из него соки, душит. Вянет растение, сохнет, бledнеет... часто и совсем погибает...» В этом и есть приговор и злу, и его носителю.

Чтобы бороться со злом, надо знать его досконально. Оно многолико. Снова и снова возвращается к психологическому исследованию его Анатолий Иванов в своих романах «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов». Непостоянный на драматических коллизиях, роман не оставляет верен своей склонности к ступенчатому красок, определенношей столь большой интерес широкого читателя к его произведениям.

Невольно начинаешь искать аналогии в литературе прошлого. В левятнацатом веке их не находить. Едва ли не весь этот век прошел под знаком возмущения повешением пяти декабристов.

Первая мировая и гражданская войны, «Белый» и «Красный» терпору вызвали к жизни литературу, отражающую великое пролитие крови в ожесточенных схватках двух миров. В рассказах и романах двадцатых годов, следует поискать истоки прозы Анатолия Иванова.

Но дело даже не в литературных традициях, а в самой жизни. Подумать только, что пережил нынешний пятидесятилетний писатель и читатель — войну, унесшую де-

11. «Наш современник» № 5

сатики миллионов жизней, фашистские лагеря смерти, гибель людей от голода! Что рядом с этими событиями книжные ужасы? Однако послевоенная литература не сразу отреагировала на действительные трагические события. Романы Анатолия Иванова «Священный реализм». Называются чисто внешние совпадения. Однако есть разница, и существенная. У Шолохова его эпопея начинается с подробного рассказа об укладе казачьей жизни. Лемка этого уклада и выживает семью, поднимается брат на брата. Шолохов настолько историчен, действительное настолько привязано к историческим событиям и реалиям, что порой оно воспринимается как хроника, как документальное повествование. А для Анатолия Иванова история — это лишь фон, на котором кипит человеческие страсти, выжестся интрига, развлекательная, сложная, очень протяженная.

Показателен в этом отношении, например, роман «Тени исчезают в полдень», начинающийся с проваления «Идрова» сельского богатая Меньшикова и с купеческого разгула уральского промышленника Кыркова, который приручает свою дочь Серафиму упиваться властью денег. Но время действия романа — иное, оно указано точно, с первых строк, следующих за прологом: «Было самое начало июня 1960 года»...

Однако вернемся снова к Шолохову. Обращаясь к емкой статье П. В. Палиевского «Мировое значение М. Шолохова», к его мыслям о том, как великий писатель преобразует жестококою, то есть не придает ей какого-нибудь особенного значения. Палиевский пишет:

«...Шолоховский мир просто невообразим. Трудно сопоставить его с тем, что мы называем бережным отношением. Это не березно, а самая свирепая поврежда человека на прочность: кроме того, этот мир ни секунды не колеблется перед таким понятием.

как личность. Не отвергает ее и, без сомне-  
 ния, чит, но если надо, свободно перешаг-  
 вает. Сострадание и сочувствие к ней не ис-  
 чезают; но одновременно идет одергивание,  
 обламывание, обкатывание ее в колоссаль-  
 ных смешанных целого. Среди раздвигаю-  
 щихся таким образом противоречий, ни одну  
 сторону которых мы не в состоянии отбро-  
 сить, открывается гуманизм непривычного  
 масштаба».

Если Шолохов сосредоточивает внимание  
 на изломах отечественной истории, то Ана-  
 толий Иванов протягивает в своих романах  
 «свидетельную проверку человека на прочность»  
 через всю историю Советской власти, вплоть  
 до наших дней. Яков Алеников в его «Бес-  
 ном зове» является как бы воплощением  
 этого «гуманизма непривычного масштаба»,  
 карающей рукой в том процессе, который ха-  
 рактеризуется поговоркой «лес рубят —  
 щепки летят», когда вместе с виноватыми  
 могут пострадать и правые. Голос совести в  
 нем заглушен ощущением правоты вообще и  
 дисциплинированностью. «Гут уж кто кого,  
 борьба классов», — упрямо твердит он. Но  
 если сперва создается впечатление, что  
 «штантарский энкеведешник» — нерассуж-  
 дающий механизм, то в новой, очень массив-  
 ной части «Бесного зова», действие которой  
 происходит во время Великой Отечественной  
 войны, мы слышим признание этого «маяше-  
 гося» человека:

образом нечто скрепляющее все заново —  
 и, может быть, прочнее, чем прежде».

Ныне, когда произошли и происходят ве-  
 личайшие перемены в социальной структуре  
 общества, в понятие Палиевского «мы» по-  
 степенно включается подавляющая часть на-  
 селения, она же и составляет армью читае-  
 лей и классической, и новой литературы,  
 подвергаясь — соответственно температурно  
 и наклонностям — тем или иным книжным  
 «облучениям». Каждый литератор пишет о  
 том, что знает лучше всего, а некоторые о  
 том, о чем писать легче всего. Кто виноват,  
 что плетла так называемых «деревенщиков»  
 поразительно талантлива? Нам бы и хоте-  
 лось почитать о самих себе, но из-за оста-  
 вания подлинной литературы о жизни совре-  
 менного города и его обитателей мы обра-  
 щаемся к уже вытравленной экзотично жизни  
 деревни двадцатилетней и более чем двад-  
 цатилетней давности, к жизни на берегах  
 сибирских рек, почти фантастической для  
 многих.

Я уже упоминал, что действие романа «Те-  
 ни исчезают в полдень» начинается в 1960  
 году. Положительный герой Захар Больша-  
 ков так выражает свое и, судя по всему, ав-  
 торское credo:

«Я так мир понимаю. Мироедов мы при-  
 давали намертво. А те из них, которые суме-  
 ли уволочь переломанные ноги, заблудившись  
 в самые темные и узкие щели и уж не осме-  
 лившись оттуда выползти. Большинство из  
 них подошло там без воздуха, от тесноты да  
 собственной обиды. А может, кто и по сей  
 день жив. Живет, как сверчок, да исходит  
 гнилым скрипом в иссохший кулачок. Все  
 ждет — не наступит ли его время, все на-  
 дается...»

Мысль совершенно верная, но она не су-  
 лит драматического развития романа, и по-  
 тому почти вся она отсекается, и остается  
 самый последний ее кусочек, из которого  
 все и вырастает... Пистиней Морозова (это  
 купеческая дочка Серафима Кулыкова) поч-  
 ти пятьдесят лет «все надеется». С помощью  
 религиозной секты, действия которой на-  
 правляются из-за океана, она расставляет  
 души людей, старается удерживать возле себя  
 дочь Варвару и в конце концов совершает  
 на старости лет такие ужасающие преступ-  
 ления, которые не под силу и закопченному  
 уголовнику.

Сам Анатолий Иванов сказал в одном  
 из интервью по поводу романа: «Мне хоте-  
 лось проследить, как трансформируется



шь, какие есть силы, какая мощь... Только действовать теперь будем не спеша. С дальним и верным прицелом».

Лахновский раскрывает перд Полтиновым целую программу действий после войны, на слухи, если она будет пропрана Литером. Программа такова: вербовать всех — и «ре-тивных сверхреволюционеров», и «карьеристов и шкурников», разлагать коммунистическую идеологию. «Войны обычно ослабляют любой народ, потому что, помимо фязического истребления значительной части народа, вырывают его духовные корни, растапывали и уничтожали самые главные основы его нравственности. Сжигая книги, уния-тожая памятники истории, устраивая ко-ношши в музеях и храмах...» Троицкий со-бирался делать то же самое, но иным пу-тем, прикрываясь революционными фразами.

«Мы будем братья за людей с детства, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать развращать, растлевать ее!» — говорит Лахновский. «Общими усилиями будут низведены все наши национальные философы, писатели, художники, все духовные иды, которыми когда-то гордился народ, которым покто-пился, — так учил, так это умел делать Троицкий. Лва Толстого он, например, за-долго до революции называл в своих статьях замшелой каменной глыбой. Знаешь?»

« — Не читал... — отвечает Полтинов. — Да мне это и безразлично».

« — Вот-вот! — оживляется Лахновский. — И когда таких, кому безразлично, будет много, — дело сдвигается быстро».

Поразглагольствовав еще о том, как будет разгнриваться «грандиозная по своему масштабу трагедия, о гибели самого непокорного на земле народа, об окончательном необратимом угасании его самосознания», Лахновский напутствует Полтинова в последний раз:

« — Живи как можно дольше, Петр Петро-вич. А служи как можно выше. Чем выше, тем лучше для нас...»

И считая этот диалог одним из важнейших в романе «Вечный зов», потому что с помощью такого саморазоблачения ярагов автор воздействует на читателя чрезвычай-но сильно, побуждает к отпору, уменьшает число безразличных.

Во второй книге романа «Вечный зов» Анатолий Иванов многое увидел иными глазами, по-иному повернул судьбы героев. В

романе стало просторнее, больше стало поэтического воздуха, шире горизонты, глубже интересы героев. Как писал в предисловии к этой книге Вячеслав Горбачев, «символично, что среди действующих лиц... появились Поэт!» В поле зрения писателя наклонещ подает гигантский массив русской культуры...

Первая книга романа «Вечный зов» была удостоена в 1971 году Государственной премии РСФСР имени М. Горького. И если до сих пор получалось как-то так, что разговор велся в основном об отрицательных персонажах его романов, то теперь не только равновесия ради, но и по справедливости следовало бы уточнить распределение теней и света в произведении Анатолия Иванова. Но, с другой стороны, это значило бы пере-сказывать широко известные произведения, перечислять громадное их количество, взвешивать на весах поступки, преступлений и добрые дела, что критики наши делали уже с достаточной полнотой.

«Вечный зов» — роман многоплановый, сложный. Что стоит одна линия братьев Савельевых — Антона, Ивана и Федора. Творческий метод Анатолия Иванова — показывать все в действии. Но эта линия не только несколько не заслоняет глубинные ав-торских раздумий. Часто он вкладывает их в уста героев. Так, секретарь райкома Кру-жнин говорит Федору Савельеву:

« — Человек, к счастью, наделен разумом... Потому он и называется человеком. И рано или поздно он начинает задумываться над сутью и смыслом бытия, жизни окружающую его людей, общества и над своим собственными делами и поступками — это его заставляет делать властный вечный зов к жизни, вечное стремление найти свое человеческое место».

Клеймя низкие чувства и низкие натурь, Анатолий Иванов противопоставляет им людей, исполненных душевной красоты, высокого нравственного чувства. Он и отрицательным персонажам нередко дает возможность проявить себя неожиданно с хорошей стороны, веря в возрождение человека.

Пересказав романы Иванова — значило бы не только пересказать историю деревень Локти, Зеленый Дол или Шанара, но и многие веки на историческом пути нашей страны, включая войны, коллективизацию, другие известные всем события. Хотелось бы воздержаться от неоднократно приводившихся уже примеров и от устоявшихся фор-



какой есть. Научившись все это видеть и понимать — и обнаружив в себе человека», — говорит Лемидов председателю районного ма Атафонову, и прекрасно говорит. Оказалось, слова это только. При виде чети Макшеевых покой утрачивается. Он следит, грозит убить, превращает их жизнь в пытку. Они меняют места жительства — он за ними. Эта пытка оборачивается пыткой и для Лемидова. Его жжет едкая обида: «Нет уж, пушай, мразь такая, и он до конца чашу свою выпьет!»

По классическим прописям, Лемидов вроде бы должен простить Макшеева, потому что русский человек отходня. Однако Атафонов Иванов решает коллизию в своем ключе — подлость рождает ответную жестокость. Она оправдана характерами действующих лиц...

Остаются в памяти слова, которыми Лемидов наставлял приемного сына: — Ты запомни, сын, два закона, может, самых главных в этом мире. Земля любит человека. И второе — человек тоже должен любить ее, землю. Запомнишь?

Добавить бы ему и третий, а может, и первый, главный, закон — человек должен любить человека.

...Народ строит свою жизнь, идет дальше по пути правды и мужества. И то ощущение силы, которое исходит от героев писателя, является залогом беспощадности бредовых мечтаний врагов. В остальном же нельзя не согласиться с критиком, который говорит: «...О чем бы еще ни написала Анатолий Иванин, писатель-коммунист, писатель-гражданин, несомненно, останется верным главным принципу своего взгляда на жизнь: революция наша была выстрадана всей историей народа и рождена борьбой его за землю, за волю, за счастье на родной земле. Вне этого постижения смысла нашего мира не может быть художника социалистического реализма».

Мору завидеть лишь, что в произведениях писателя положительные его герои не дают восторжествовать силам зла. Как мне кажется, особняком среди произведений Анатолия Иванова стоит его повесть «Жизнь на грешной земле», наиболее оригинальная и по языку, и по слогу своему, по замыслу и архитектонике. Повесть написана в соответствии с русскими классическими канонами, рассматриваются «вечные» вопросы преступлений и наказаний», только в соответствии с авторским темпераментом и особенностями таланта Анатолия Иванова роль «совести» берет на себя человек, неотступно следующий за преступником и уже одним своим присутствием не дающий ему успокоиться. Писатель не может обойтись без активного начала, «угрызения» ему нужны во плоти, и он осуществляет свой замысел с завидным мастерством. Произведение оригинально, свежо, оно не оставляет равнодушным.

Мне нравятся в повести все — зачин, раскрывающий тесную связь героя, лесника Павла Лемидова, с природой, его дотошное знание примет, взаимоотношения с мальчишкой «Гринькой», которого он взял из детского дома и усыновил, после того как подросла тоже взятая из детдома «Надежда». Почему Гринька, когда он Бова? А потому, что в лесу так птицы поют: гринь-гринь-гринь. И опять же в Надежде есть великий смысл. Это не то что «Анька-встань-ка, муженька достань-ка». Характер сразу проявится. И враг сразу виден — это «вольче око», низкое оконце в доме продавшего Марии Макшеевой, через которое продают по вечерам водку «без сачка». И в окошке том появляется Ленис Макшеев, усаый, жирный, с зарпечеными руками, враг, губитель жизни. В молодости они любили Марию оба, да Мария подлюгла Лемидова, а Макшеев избил его, колхозную ригу поджигал и еще вину вазалил на него... Через рудники, штрафбат, плен, лагерь, поселение пошла жизнь простого русского человека, пока душа не успокоилась в лесничестве. «Лес, природа вообще — это высший разум».